

Интервью, данное Анатолием Павловичем Белкиным Геннадием Иосифовичу Амельченко
11 августа сего года в плавучем ресторане с видом на Стрелку Васильевского острова и Зимний Дворец, что не случайно.

On 11 August this year the artist Anatoly BELKIN gave an interview to Guennadi AMELTCHENKO in the floating restaurant with views of the Spit of Vasilyevsky Island and (no coincidence) the Winter Palace.

очевидный и невероятный Белкин

9

the manifest
and incredible Belkin

Слева. Дом.
Воспоминания. 1996 год.
Холст, масло.
Коллаж. 101×92 см.

Left. Home.
Reminiscences. 1996.
Oil on canvas with collage.
101×92 cm.

– Анатолий Павлович, учитывая наше давнее знакомство, как будем обращаться друг к другу – на ты или по имени-отчеству?
– На ты, но по имени-отчеству.
– Открытие твоей выставки в Эрмитаже намечено на 21 октября. Что такое для тебя лично и вообще для художника выставка в этом музее?

– Для художника любого ранга, любой эстетической ориентации выставка в крупнейшем национальном музее – это огромное событие. Для меня это событие, может быть, самое важное в моей жизни.

– Я понимаю, что поздравлять преждевременно, поэтому давай поговорим вообще о тебе, о твоей профессиональной и прочей деятельности. Начнем с того, что ты только что упомянул, – с эстетической ориентации. Каждый человек на кого-то похож, у кого-нибудь учится в жизни и профессии. В изобразительном искусстве эффект «дежавю» особенно очевиден. В этом смысле что ты можешь сказать о себе?

– Anatoly Pavlovich, we have known each other a long time. How are we going to address each other, with the familiar ты or by name and patronymic?

– Using ты, but by name and patronymic.

– Your exhibition in the Hermitage is due to open on 21 October. What does it mean for you personally and for an artist generally to have an exhibition in that museum?

– For an artist of whatever rank, of whatever aesthetic orientation, an exhibition in one of the greatest national museums is a tremendous event. For me it is perhaps the most important event in my life.

– It's too soon to congratulate you, I know, so let's talk about you in general, your work and other activities. Let's start with what you just mentioned – aesthetic orientation. Everyone resembles someone; learns from someone in life and in their work. In the fine arts, the «déjà-vu» effect is particularly obvious. What can you say about yourself in that context?

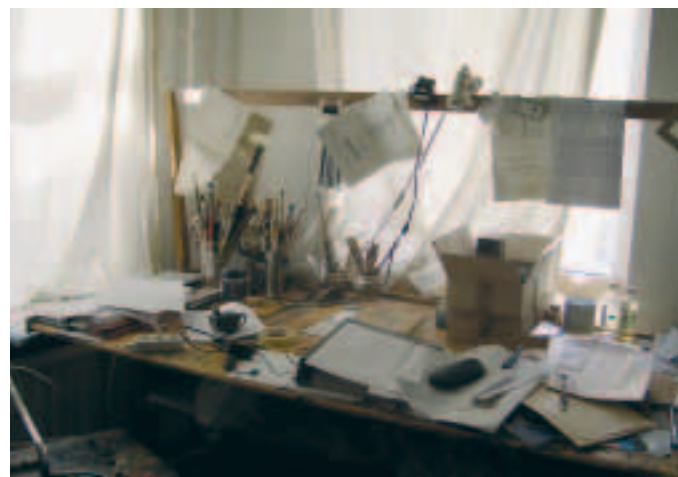
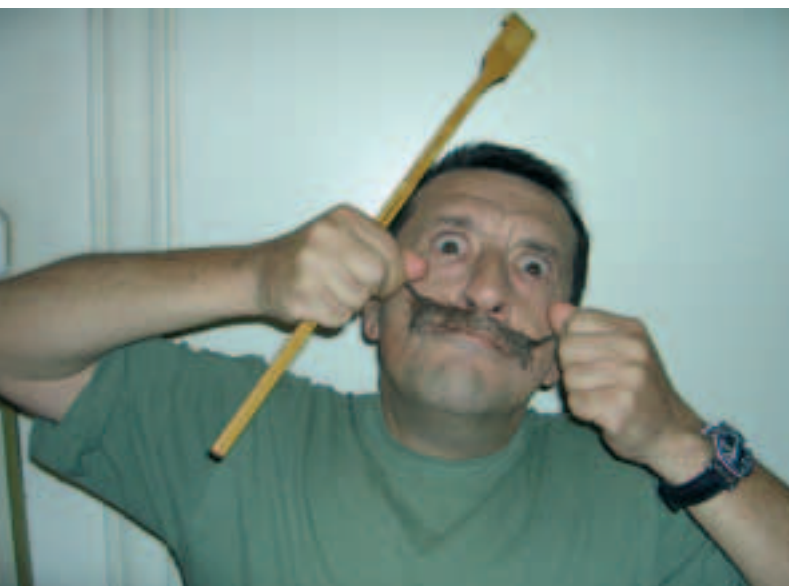
Обыкновенная болотная
двухголовая Капа. 2001 год.
Холст, масло. 115×140 см.

The Common Swamp
Two-Headed Kapa. 2001.
Oil on canvas.
115×140 cm.

Ритуальный золотой
череп болотных
карликов.
Золото.
Ritual Gold Skull of the
Swamp Dwarves.
Gold.

Срочный пакет. 2003 год.
Холст, масло. Коллаж.
57×44,5 см.
Urgent Package. 2003.
Oil on canvas with collage.
57×44,5 cm.

«Всю жизнь
мечтаю жить
среди животных,
а живу почему-то
среди зверей».

*“All my life I have
dreamt of living
among the animals,
but for some reason
I am living among
beasts.”*

II

— Я скажу, может, парадоксальную вещь, но чем оригинальнее и крупнее художник, тем больше культурных корней за ним прослеживается. Это я не о себе говорю. Вообще я считаю, что нет художника, который бы не испытал чье-то влияние в большей или меньшей степени. Другое дело, что не надо стараться быть сотым Шагалом или двухтысячным Пикассо. Надо гнуть свою линию. Это вовсе не означает, что ты существуешь вне культурной традиции. Надо ощущать себя частицей в огромном синхрофазотроне и понимать прекрасно, что был культурный процесс и до тебя и сейчас он идет где-то параллельно. И продолжится, когда тебя уже на свете не будет. Влияние — это очень хорошо. И любовь к тому, что было до тебя, что существует рядом, — это тоже очень хорошо.

— Я внимательно читаю твои рассказы в журнале «Огонек», ознакомился также с твоими научными трудами, связанными с несуществующими экспедициями в затерянные миры, и сделал вывод, что животных ты, в сущности, любишь. Собираясь на эту встречу с тобой, я вспомнил одну легенду, а может, и был о нем любимом тобой Сальвадоре Дали. Его жена и по совместительству мужа Галя как-то по случаю их отъезда куда-то, куда нельзя было взять любимого домашнего кролика, приготовила бедняжку на обед, не

— I'll say something that is perhaps paradoxical, but the more original and significant an artist is, the more cultural roots you can detect behind his work. I am not speaking about myself. In general, I don't believe there is any artist who has not been influenced by someone to a greater or lesser extent. It's a different matter that you shouldn't try to be the 100th Chagall or the 2000th Picasso. You should plough your own furrow. That not in the least to say that you exist outside the cultural tradition. You need to sense yourself to be a particle in an immense synchrotron and to understand full well that there was a cultural process before you and now it is going on somewhere parallel to you. And that it will continue when you have departed this world. Influence is very good; and love of what existed before you and what exists alongside — that's very good too.

— I read your stories in Ogoniok attentively. I have also looked at your scholarly works connected with non-existent expeditions to lost worlds, and have come to the conclusion that essentially you love animals. When I was getting ready to come and

поставив в известность мировую знаменитость. И в момент трапезы заинтересовалась — вкусно ли приготовлено жаркое. При чем сказано было это в таком тоне, что гениальный сюрреалист мгновенно выскочил из-за стола и побежал в туалет. Французский писатель чешского происхождения Милан Кундера в романе «Бессмертие» высказал по этому поводу интереснейшую философскую мысль, что все близкое, любимое, интимное должно быть постоянно внутри человека, как бы всегда при нем. А ты что скажешь?

— Ну, Галя — это исчадие ада. Она, как только Дали прекратил бы зарабатывать деньги, и его бы сварила, это просто редкостная тварь, которая ни разу в жизни не пошутила, не улыбнулась и из мужа такого же м... чудака, скажем так, сделала. А животных я люблю и живу с ними. Я вообще всю жизнь мечтал жить среди животных, а живу почему-то среди зверей.

— Извини, еще немного о Дали. Как-то в Берлине мы с тобой проходили мимо огромной афиши выставки Дали. На ней было изображение мастера с закатывшимися глазами и лихо закрученными усами. Ты сымитировал сюжет. Мне даже показалось, что копия значительно достовернее оригинала. Я тебя очень прошу, для наших читателей покажи.

(Долго сопротивляется, но в конце концов показывает.)

meet you, I remembered a legend, or perhaps it's a true story, about Salvador Dali, whom I know you dislike. His wife and simultaneously muse Gala, when they were due to leave for somewhere that they couldn't take his favourite pet rabbit to, went and cooked the poor thing for lunch, without telling the great celebrity. During the meal, she inquired whether the meat was tasty and she said it in such a way that the brilliant Surrealist immediately jumped up and dashed for the toilet.

— Well, Gala was the devil incarnate. If Dali had only stopped making money, she would have boiled him as well. She was an exceptional beast, who never joked, never smiled in her whole life.

— Sorry, staying on the subject of Dali. Once, in Berlin, you and I passed a gigantic poster for a Dali exhibition. It showed the master with his dashing curly moustache rolling his eyes. You did a take-off of it. I even thought the copy was a good bit more authentic than the original. Please, I must ask you to do it again for our readers. (Belkin was reluctant to repeat this feat, but finally agreed.)

— You said something about supposedly non-existent expeditions. Where do you think I get my knowledge of animals from,

— Вот ты упомянул о якобы несуществующих экспедициях. Откуда же я могу так разбираться в животных, по-твоему? Представь себе, я могу по еще теплему слоновьему навозу определить, откуда пришел слон, куда пошел, старый он или молодой и прочее. Могу назвать ареал его обитания в Африке, только растерев кусочек слоновьего дерьма... Откуда это, по-твоему?

— Я некорректно задал вопрос. Извини.

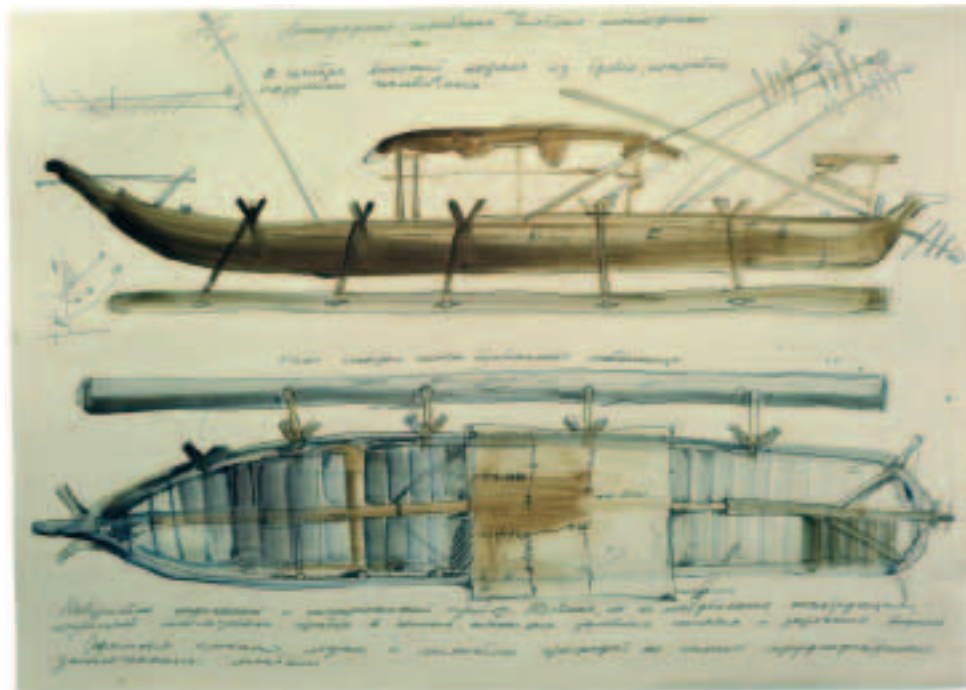
— Готовясь к научной конференции по паукам-птицеядам, я пять лет провел в местах их обитания, практически жил, спал и охотился рядом с одним из них.

— Скажи честно, а тебе не было страшно — ведь они, наверно, кусаются?

— Жутко кусаются, но мне повезло — паук признал меня... Вообще, любая экспедиция, как ты понимаешь, рискованна. Например, когда на Арсеньева в уссурийской тайге уже прыгал тигр, появился известный сибирский колдун Дерсу Узала и пассажиры остановил тигра, который буквально завис в воздухе.

— Послушай, но ведь это легенда, ты же цивилизованный человек, чтобы верить в такую сказку...

— Да, частично ты прав. Арсеньеву в Императорском географическом обществе поверили далеко не все, но когда один тувинский колдун проделал такой же номер с оленем, все поверили.

Большая плоскодонка.
2003 год.
Картон, масло. Коллаж.
71×101 см.

Large Punt. 2003.
Oil on cardboard with
collage. 71×101 cm.

Дневник. 2002 год.
Бумага, тушь, акварель,
перо. 46,5×62,3 см.

Diary. 2002.
Watercolour, pen and ink
on paper. 46.5×62.3 cm.

then? Imagine, from a lump of warm elephant dung I can tell where the animal came from, where it was going, whether it's old or young, and so on. Where do you reckon I learnt that?

— I didn't express myself properly. I beg your pardon.

— In preparation for a scholarly conference on bird-eating spiders, I spent five years in their habitat, practically living, sleeping and hunting with one of them.

— Be honest, weren't you scared? They must bite, mustn't they?

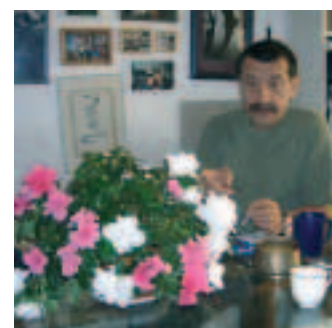
— They have a terrible bite, but I was lucky — the spider accepted me... In general, you'll understand there are risks attached to any expedition.

— A person really does learn so much from talking to you! Just put my doubts down to a lack of geographical knowledge.

— For a moment there I was offended by your disbelief.

— Let's agree that that is all in the past.

— You know, Guennadi Iosifovitch, when you see me in public places, at exhibitions, I mean, in restaurants and so on, it's very hard to picture me going down to the waterhole

«Я трепетно отношусь к цветам, рыбам, насекомым, но особенно — к собакам...»

“I have a tender affection for flowers, fish and insects, but especially for dogs.”

Прощальный поцелуй
(Мэри Пикфорд). 1996 год.
Картон, масло. Коллаж.
73×28,5 см.

Parting Kiss
(Mary Pickford). 1996.
Oil on cardboard with
collage. 73×28.5 cm.

— Столько нового узнаешь в общении с тобой! Источник моих сомнений — недостаток географического образования.

— Знаешь, в какой-то момент я был оскорблен твоим недоверием.

— Будем считать, что это позади.

— Знаешь, Геннадий Иосифович, когда меня видят в публичных местах — ну, там на выставках, в ресторанах и так далее, конечно, очень трудно меня представить идущим на водопой вместе со стадом антилоп нильгау на четвереньках, чтобы не выделяться среди животных. Но знай, что каждая мною написанная строчка, может быть, не очень талантлива, но тем не менее очень точна. В этом я всегда учился у Брема и Бианки. Ты знаешь, чего мне не хватало в Африке? Горчицы! Да, обыкновенной русской горчицы. Вот странно, Геннадий Иосифович, ты, человек аналитического ума, знающий жизнь, совершенно не спрашиваешь о моей работе в качестве резидента нескольких разведок одновременно.

— Вопрос очень тонкий и вне моей компетенции.

— Вопрос с разведкой всегда тонкий, но советую не уходить от таких проблем. Хочу рассказать один любопытный случай, когда я работал одновременно на чукотскую разведку и разведку Зимбабве. Это тоже, кстати, связано с животными. Дело в том, что наши аналитики в Цен-

with a herd of nilgai antelopes on all fours so as not to stand out among the animals. But I'll have you know that every word I write may not be very talented, but nevertheless it's very precise. I always took my lead from Brehm and Bianchi. It's a strange thing, though, Guennadi Iosifovitch, that you, a man with an analytical mind, ask nothing at all about my work as a spy for several powers at once.

— That's a very delicate question and outside of my competence.

— Questions of espionage are always delicate, but I advise you not to avoid such issues. I want to tell you about a curious thing that occurred when I was working simultaneously for Chukcha and Zimbabwean intelligence. There are animals involved here too, by the way. The thing is our analysts at the Centre got hold of satellite photographs on which were marked in different-coloured curves the changes in the regular migratory routes of huge herds of animals in Africa. The analysts put this down to the instability of political regimes in particular countries of the region. You of course understand that the animals have been following the same migra-

tre получили фотографии со спутников, где кривыми различного цвета были обозначены изменения маршрутов постоянной миграции огромных стад животных в Африке. Аналитики связали это с нестабильностью политических режимов отдельных государств региона. Ты же прекрасно понимаешь, что тысячи лет животные мигрируют по одному и тому же маршруту. Так вот, наш спутник зафиксировал изменение маршрута, но на спутник полагаться нельзя. Ведь спутник — это просто железный ящик. Без эмоций.

Мы-то по-прежнему доверяем людям, и в этом наша сила. Мы сравнили наши данные с данными их спутников. Их-то спутники — это практически пилотируемые космические корабли. Они же своих людей не жалеют.

— В отличие от нас.

— И действительно, огромные стада антилоп гну и бизонов изменили привычные пути миграции. И что же: в это самое время переворот в Анголе, попытка свержения правительства в Кот-д'Ивуар. Ты же знаешь, что Африка входит в круг наших геополитических интересов; не мне тебе об этом говорить...

— Наших — это чьих?

— Наших с вами. Меня вызвали в Центр, потому что такого уровня специалисты наперечет. Многие умерли от желтой лихорадки и сонной болезни.

tion path for thousands of years. Well, our satellite recorded changes in the route. Huge herds of wildebeest and bison changed their established course. And lo and behold: at that very time there was a coup in Angola, an attempt to overturn the government in Côte d'Ivoire. Africa, of course, belongs to our sphere of geopolitical interest; I don't need to tell you that...

— “Our” meaning whose?

— Ours — yours and mine. I was summoned to the Centre, because you can count specialists of my calibre on your fingers. Many have died of yellow fever and sleeping sickness.

— Did someone get rid of them?

— Let's put it this way: they're dead!

— Is that secret information?

— Of course not. When someone dies it's not a secret. When he's alive, it's a secret, but when he dies, it isn't any more. I was urgently dispatched beyond the Arctic Circle, to an area we'll talk about in a minute. It was very tense work, I can tell you, but interesting. The thing is I had to repeat the animals' migration and literally feel on my own hide whether it was a chance occurrence or not.

– Но своей смертью?
 – Я тебе так скажу: умерли!
 – Это секретные данные?
 – Нет конечно. Когда человек умирает – это не секрет. Когда живет – секрет, а когда умирает – уже не секрет. Меня срочно перебросили из Заполярья в регион, о котором мы сейчас говорим. Я тебе скажу – это была напряженнейшая, но интересная работа. Дело в том, что мне пришлось повторить миграцию животных и в буквальном смысле на собственной шкуре ощутить, случайное это явление или нет. Оно ли провоцирует нестабильность малых политических режимов или, наоборот, нестабильность режимов провоцирует изменения в поведении животных – вот интересный вопрос! Почему (с вызовом) вы не задали мне его? Вас это не интересует? Может, это не тема вашего журнала? Ты знаешь, Геннадий Иосифович, многие ругают разведку, а я разведке обязан всем. Всем!

– Ну, у тебя и очки соответствующие.
 – При чем тут очки? Ты во всем видишь лишь внешнюю сторону, мало анализа, глубины. Ты знаешь, что меня забрасывали на дрейфующие льды, внедряли в чрево кита?
 – Ну, это уже что-то от литературы, а бы сказал – литературищина.
 – А вот и не литературищина. Как раз наши эксперты в Центре воспользова-

лись литературным сюжетом, но я был в специальном скафандре с обеспечением полной жизнедеятельности организма. Моего организма. Огромного голубого кита (не улыбайся, это такой вид китов, по-научному – «бловал») заставили проглотить меня для полной секретности операции. Известно, что все страны, кроме Японии, отказались от охоты на китов. И Центр пошел на беспрецедентные меры давления на Страну восходящего солнца. Для защиты кита в район его обитания был направлен один из самых мощных авианосцев США. Словом, что говорить – много всего было. А однажды в целях конспирации я вынужден был познакомиться со львом-гомосексуалистом, что было, учитывая мою нормальную сексуальную ориентацию, согласись, не очень приятно.

– Ой, последняя история мне совершенно неизвестна.

– Ну конечно, о ней мало писали, да и мне не очень хочется об этом вспоминать...

Реконструированный по методу академика Герасимова болотный карлик с сохранившимися фрагментами одежды.

Reconstruction, using Academician Gerasimov's method, of a swamp dwarf with surviving fragments of clothing.

Земля и вода. 2001 год. Картон, масло. 31×102 см.
 Earth and Water. 2001. Oil on cardboard. 31×102 cm.

of my cover story, I had to become closely acquainted with a gay lion, which considering my normal sexual orientation was, you'll have to agree, not very pleasant.

– Hey, I haven't heard that story at all.

– Well, of course not. There wasn't much written about it and I don't want to recall it myself...

– Incidentally, you'll remember of course that at the first exhibition of Soviet avant-gardists, as they were termed, the Communist Party General Secretary Nikita Khrushchev called them "pederasts". It's not clear why.

– Кстати, ты помнишь, конечно, что на первой выставке так называемых советских авангардистов генсек компартии Никита Хрущёв обозвал их «пидарасами»? Непонятно, за что.

– Что касается сильного выражения Хрущева, видимо, для него в этом слове сочетался предел мерзости и недопустимости. Интересно, что вот это «пидарасы» облетело весь мир. И это можно считать, в общем, днем рождения Эрнста Неизвестного, который единственный в тишине московского Манежа, где было слышно, как летает муха, потому что все застыли, сказал всемогущему генсеку: «А что вы себе позволяете, вы все-таки приходите на выставку!»

– Это, наверное, было не менее страшно, чем сидеть в желудке кита. И все же я не понимаю, как ты выдержал, даже в скафандре?

– Я три раза просил меня вынуть, но Центр настаивал на продолжении операции.

– И сколько же это продолжалось?

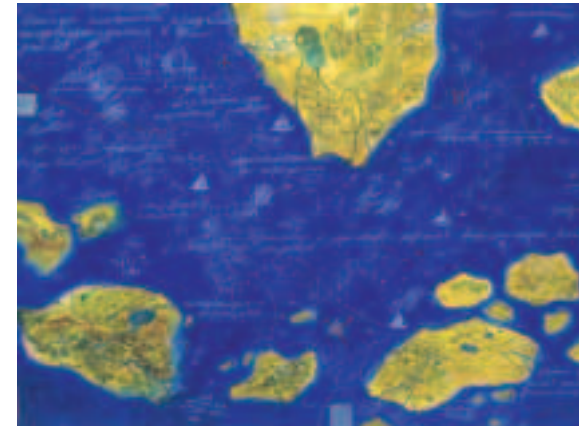
«Надеюсь, что несколько романтический дух этого интервью оживит ваш далекий от темы путешествий журнал».

"I hope that the somewhat romantic spirit of this interview will enliven your magazine, far removed as it is from the theme of great journeys."

– Well, as for Khrushchev's choice of language, evidently for him that word expressed the extremes of filthiness and the impermissible combined. Interestingly, that "pederasts" of his went round the whole world. And that, broadly speaking, can be considered the birthday of Ernst Neizvestny, who in the silence of the Moscow Manege, where you could have heard a pin drop because everyone had frozen, was the only person to say anything to the all-powerful General Secretary: "Mind your language, you are at an exhibition when all's said and done!"

Справа. Новые острова. 2002 год. Картон. Масло, жирная пастель. 72×101,5 см.

Right. New Islands. 2002. Oil and pastel on cardboard. 72×101.5 cm.

Did it provoke instability in minor political regimes, or, vice versa, the instability of the regimes provoked changes in the animals' behaviour – there's a fascinating question! Why (challengingly) didn't you ask me it? Aren't you interested? Maybe it's not a topic for your magazine? Guennadi Iosifovich, many people speak ill of the intelligence service, but I owe everything to it. Everything! You know that they dropped me onto a drifting ice-floe, and infiltrated me into the belly of a whale?

– Well, that's something from literature now, pure fiction I would say.

– That's just where you're wrong. The fact is our experts at the Centre used a literary plot, but I was in a special suit with full life-support system. Made to measure. They forced a huge blue whale to swallow me for a totally secret operation. As you know, all countries except Japan have given up whale-hunting. And the Centre resolved upon unprecedented measures to put pressure on the Land of the Rising Sun. One of our most powerful aircraft-carriers was sent to protect the whale in its habitat. To cut a long story short, lot of things were done. Once, a part

– Восемь лет я жил в ките!

– *А я-то все думал – куда ты делся; никто из наших общих знакомых ничего не знал. А связь-то какая-нибудь была?*

– Связь была потрясающая: кит – мощный проводник, а китовый ус – лучшая мембрана.

– *Невероятные вещи рассказываешь. Столько лет без мольберта, в отрыве от современного художественного процесса, который за это время, вероятно, ушел далеко вперед... Представляю, как тебе было трудно.*

– Мне было совсем не трудно, потому что межреберные промежутки у большого синего кита по фактуре и цвету очень сильно напоминают грунтованный подкрашенный холст, а карандаш у меня всегда с собой. Я всё время делаю наброски. Кит огромное животное – там можно сделать даже фреску. Кит был весь изрисован мною изнутри. Когда теперь всё позади, я начинаю забывать все ужасы моих приключений и те страшные испытания, которыми подвергала меня Родина ради получения ничтожных, в сущности, сведений. Я очень рад вернуться наконец к своей прямой профессиональной деятельности и ценю каждую минуту моей жизни. Нева, Петербург, в вашем клубе branчи чудесные... – страшно все это люблю.

– *В твоей хорошо оформленной книжке «Экспедиция № 6» много анализа. Ты сам анализировал или кто-то помог?*

– *That was probably no less frightening than sitting in the belly of a whale. What I can't grasp is how you could stand it, even in a protective suit.*

– I asked to be pulled out three times, but the Centre insisted that the operation continue.

– *And how long did it continue?*

– I spend eight years living in a whale!

– *It's incredible the things you are saying! All those years without an easel, cut off from contemporary artistic life, that in that time probably moved on apace. I can imagine how hard it must have been.*

– It wasn't hard at all, because the interstices between the ribs of the large blue whale are very similar in colour and texture to a primed canvas, and I always carry a pencil with me. I covered the whole of the whale's insides in drawings. Now, when it's all over, I begin to forget all the horrors of my adventures and I am very pleased to return at last to my proper work and I treasure every minute of my life.

– *Your nicely designed book Expedition No 6 contains a lot of analysis. Did you do the analyzing yourself, or did someone help?*

– Some things I did myself, and what I

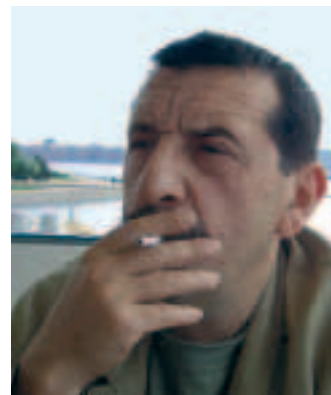
– Ну, что-то сам, а что сам не мог – сдал на анализы товарищам. Там колоссальные аналитики. У них оборудование очень плохое, а аналитики хорошие. Ты знаешь – это трагедия многих сфер нашей жизни: специалисты хорошие, а работать приходится каменными топорами. И ходят как последние засранцы: многие их отличить не могут даже от других людей. Раньше сразу было видно – идет сотрудник секретной службы. Весь сияет. Да, свою молодость я с удовольствием вспоминаю.

– *А ты секретный агент был или не секретный?*

– Секретный. Все, что я сейчас рассказываю, я говорю первый раз в жизни; в определенной степени это подведение итогов.

– *Итогов интервью или итогов жизни?*

– Жизни конечно. Промежуточных. Интервью кончилось, а жизнь продолжается. ■

couldn't I passed over to colleagues. There are some terrific analysts there. They have very poor equipment, but their good analysts. That's the tragedy in many spheres of our life: good specialists who are obliged to work with stone axes.

– *And are you a secret agent or a non-secret one?*

– Secret. Everything I've been telling you, I am making known for the first time. In a way, it's drawing up a balance.

– *A balance of what, the interview or life?*

– Life, of course. An interim balance. The interview's over, but life goes on. ■

Альбом. 2000 год.
Холст, масло. Коллаж. 65×80 см.
Album. 2000.
Oil on canvas with collage.
65×80 cm.